

УДК 821.161.1

К вопросу о реализации инвективных установок в лирике А. Ахматовой

Чаунина Наталья Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии,
Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова в г. Нерюнгри,
678960, Российская Федерация, Республика Саха (Якутия),
Нерюнгри, ул. Кравченко, 16;
e-mail: chaunin@mail.ru

Аннотация

Статья нацелена на выявление и анализ наиболее показательных репрезентаций инвективных установок в лирике А. Ахматовой. Методологической базой послужили разработки в области литературного жанра инвективы С.А. Матяж, А.С. Краковяк, Г.М. Бралиной. Рассмотрены особенности сюжета и композиции ахматовских инвектив, ключевые мотивно-образные комплексы, основные коммуникативные стратегии инвективного дискурса, охарактеризованы персонажи-оппоненты и средства их создания в соответствии с целевой установкой на дискредитацию личности. Выбор автором той или иной инвективной стратегии обусловлен типом «преступника», характером его злодеяний. Отсюда закономерность усиления обличительного пафоса: от осуждения тайного адресата в ранней любовной лирике, через изобличение оппонента-предателя в стихах 1910-1920-х гг., к гневно-уничжительному развенчанию пособников тоталитарного режима в зрелой и поздней лирике. Во всех стихотворениях обнаруживается голос автора, взыскующего высшего справедливого наказания преступникам.

Для цитирования в научных исследованиях

Чаунина Н.В. К вопросу о реализации инвективных установок в лирике А. Ахматовой // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 2А. С. 188-195.

Ключевые слова

Диалогизм, инвектива, Ахматова, лирика, оппонент, адресат, обличение.

Введение

Диалогическое начало лирики А. Ахматовой неоднократно подтверждается в исследованиях авторитетных ученых-филологов, ахматоведов, критиков (см. работы В.В. Виноградова, Б.М. Эйхенбаума, В.М. Жирмунского, О.А. Клинга, Н.В. Дзуцевой, О.А. Лекманова, Л.Г. Кихней, Т.С. Кругловой и др.). Установка на диалог с адресатом (потенциальным, имплицитным, эксплицитным, конкретным, абстрактным, обобщенным и др.) является едва ли не основным жанроформирующим инструментом поэзии Анны Ахматовой. Особый интерес в этой связи представляют обличительные, полемически заостренные стихотворные обращения-инвективы¹, являющиеся реализацией установки на диалог с оппонентом.

Инвектива как литературный жанр

По наблюдению С.А. Матяж, инвектива как литературный жанр обладает рядом обязательных признаков: «гневная направленность (с различными оттенками осуждающей интонации); прямая апеллятивность по формуле я/мы → ты/вы», «композиционная амплификация, охватывающая план субъекта и план адресата; специфическое инвективное время (настоящее, переходящее в будущее); мотив ожидаемого или уже свершившегося наказания осуждаемого лица (переплетающийся с мотивами мщения, проклятия и т. п.). В целом жанр и предстает как жанр с яркой лирической агрессией» [Матяж, 2007, 36-37].

Центральными композиционными звеньями инвективы являются план субъекта и план адресата (объекта). Субъект и адресат могут быть выражены эксплицитно, открыто оппозиционировать, имплицитно, либо реализовываться в лице одного персонажа (в этом случае можно говорить об автокоммуникации) [подробнее см. Бралина, 2007].

План объекта реализуется посредством обличения и угрозы. Обличение, в свою очередь, состоит из номинации и перечисления действий, которые причислят адресата к числу преступников в глазах читателя/слушателя, то есть вызовут чувства осуждения и порицания [Бралина, 2007].

Таким образом, содержание инвективы представляет собой обвинение, обличение «преступника», перечисление всех его злодеяний и вывод о грядущем наказании за содеянное [Краковяк, 2007]. Закономерен характер «инвективного диалога», который «выражает негативное отношение говорящего к другому человеку и состоит из отрицательной оценки личности, ее качеств, поступков и мыслей, а также эксплицирует неготовность говорящего выслушать и понять собеседника. Все эти факторы формируют отрицательное эмоциональное состояние коммуникантов» [Золотаренко, 2013, 142]. Негативизм собеседников может выражаться раз-

¹ Инвектива (от лат. *invehi* – бросаться, нападать) – своеобразный вид сатиры; резкое обличение реального лица или группы лиц, гневное письменное или устное обвинение. Формы инвективы многообразны, это и эпиграмма, полемические статьи и речи [Елисеев, Полякова, 2002, 64].

личными вербальными и невербальными средствами, нарушающими «ценностные представления другого человека и мотивированными желанием говорящего оскорбить или унижить собеседника». Негативный облик оппонента (представителя власти) может создаваться «посредством использования как прямых, так и косвенных формы инвектив, цель которых – опорочить оппонента, выставив его в неприглядном виде» [Демидов, 2013, 39]. Одним из мощных инструментов воздействия в конфликтном дискурсе является языковая игра, работающая «на общую целеустановку дискредитации личности, понижения социального статуса лица, создания дисгармоничной тональности общения» [Плотникова, 2015, 127-128].

«Выбор говорящим инвективной стратегии обуславливается рядом внешних и внутренних факторов, которые и провоцируют возникновение и развитие конфликта» [Золотаренко, 2013, 145].

Особенности реализации инвективных установок в лирике А. Ахматовой

Опираясь на методику анализа инвективы, предложенную С.А. Матяж и получившую дальнейшую разработку в трудах Краковяк А.С. и Реутовой С.Н., рассмотрим особенности реализации инвективных установок в лирике Анны Ахматовой.

Зачатки «дискредитирующего» диалога обнаруживаются еще в ранней лирике поэта. Так, стихотворение «Сколько просьб у любимой всегда!...» (1913) представляет собой прощальный горько-обличительный монолог «разлюбленной» лирической героини. Объект осуждения представлен эксплицитно, но анонимно, посредством местоименных обращений «ты», что свидетельствует о со-присутствии участников конфликта. Отрицательное отношение субъекта выражается в использовании позитивно-оценочных эпитетов-характеристик адресата, приобретающих в контексте стихотворения негативное значение: «мудрый и смелый», «славная биография» [Ахматова, 1999, 54], белые пятна которой и призван восполнить этот прощальный монолог. Из контекста становится понятно, что вина оппонента-адресата заключается в расставании с лирической героиней. Наказание, предрекаемое за это преступление – суд потомков и «горькая слава». Таким образом, перед нами «любовная» инвектива.

Подобным образом строится инвективный сюжет стихотворений «Не в лесу мы, довольно аукать...» (1914), «Я не любви твоей прошу...» (1914) «А, ты думал – я тоже такая...» (1921), «О, жизнь без завтрашнего дня!...» (1921), «Кое-как удалось разлучиться...» (1921) и др. Уязвленная лирическая героиня грезит наказанием предавшему обидчику, посылает ему проклятия: «Трудным кашлем, вечерним жаром / Наградит по заслугам, убьет» [Ахматова, 1999, 87], «Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом / Окаянной души не коснусь» [Ахматова, 1999, 165]. Объект обличения также не номинирован, что подтверждает интимно-личный характер конфликта. Как известно, Ахматова намеренно зашифровывала своих

собеседников, обозначая их инициалами, вымышленными персонажами или анонимным «ты». Ключевыми становятся мотивы грусти, тоски, одиночества, страдания, сменяющиеся гневными, разоблачающими всплесками, что характеризует душевное состояние оскорбленной героини.

В данных текстах отсутствует как таковая номинация обидчика (кроется в подтексте), его злодеяния преимущественно связаны с предательством чувств лирической героини, которая взывает к возмездии высших сил.

Актуализация в лирике А. Ахматовой инвективных установок иного рода инспирирована историческими событиями начала XX века. Поэт откликнулся потоком гневных выпадов против тех, «кто бросил землю на растерзание врагам» [Ахматова, 1999, 147] – речь идет о событиях революции, Гражданской и Первой мировой войны, спровоцировавших массовую эмиграцию соотечественников. Примером служат стихотворения «Высокомерьем дух твой помрачен...» (1917), «Ты – отступник: за остров зеленый» (1917), «Когда в тоске самоубийства...» (1917), «Нам встречи нет. Мы в разных странах...» (1921), «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922), «Разлука» (1922), «Вечер тот казни достоин...» (1922), «Я именем твоим не оскверняю уст...» (1924) и др. Заметно нарастание лирической агрессии. Образ обвиняемого все так же анонимен, но частный характер осуждения сбежавшего в поисках лучшей жизни возлюбленного сменяется гневным разоблачением предателя родины, врага, отступника вообще. Личное «ты» («Ты – отступник...») сменяется обобщенным «они» («Не с теми я, кто бросил землю...»). Четко прослеживается оппозиционное противостояние как на уровне коммуникантов: лирическая героиня, разделившая судьбу родины, – предатель, беглец; так и на уровне пространства: Россия – чужая, враждебная страна и времени: героическое прошлое и настоящее (на родине) – позорное будущее (на чужбине). Изгнаннику нет оправдания, он «жалок», болен, его жизнь сродни тюремному заключению. Самым страшным наказанием для преступника являются душевные муки, муки раскаяния, жажда прощения. И снова лирическая героиня взывает к высшему справедливому суду: «И знаем, что в оценке поздней / Оправдан будет каждый час», тех, кто остался «в глухом чаду пожара» и разделил свою судьбу с судьбой родины [Ахматова, 1999, 147].

В эпоху Большого террора Ахматова создает ряд инвектив, разоблачающих виновников и пособников тоталитарного режима. К обобщенному/собирательному адресату-врагу обращены инвективы: «Зачем вы отравили воду...» (1935); «Я приснюсь тебе черной овцою...» (1937); «Все ушли, и никто не вернулся...» (1930-е, 1960), «Так не зря мы вместе бедовали...» (1961), «Защитники Сталина» (1962) и др.

Лирическая героиня хлесткими риторическими вопросами низвергает вершителей судеб: «Зачем вы отравили воду / И с грязью мой смешали хлеб? / Зачем последнюю свободу / Вы превращаете в вертеп?» [Ахматова, 1999, 255]. Высокий обличительный пафос усиливается посредством использования церковнославянизмов («вертеп», «священный глагол» «пречистое слово» и др.), трансформируя голос лирического «я» в повествование древних про-

роков, обращенное к властителям, нарушившим Божьи заповеди: «Осквернили пречистое слово, / Растоптали священный глагол...» [Ахматова, 1999, 245].

По наблюдению Л.Г. Кихней, лирическая героиня выступает здесь как «городская сумасшедшая», «сиделка тридцать седьмого», «прокажённая», бросившая вызов мучителям. «При смене «лиры» на «трещотку прокажённого» парадоксально меняется и диалогический контакт с адресатом-врагом» [Кихней, Круглова, 2009, 121]. Героиня вступает в открытый конфликт, продолжая избобличающий монолог: «...Успеете наахаться, / И воя и кляня, / Я научу шарахаться / Вас, смелых, от меня...» [Ахматова, 1999, 224].

В стихотворениях «Я приснюсь тебе черной овцою...» и «Защитникам Сталина» собирательный образ вершителей Большого Террора оценивается в координатах православной морали и потому ассоциируется с Апокалиптическим Зверем: «И яростным вином блудодеянья / Они уже упились до конца. / Им чистой правды не видать лица / И слезного не ведать покаянья» [там же, 302]. Ср. в Откровении Иоанна: «После сего, увидел я другого Ангела... И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы...» (Откр., 18: 2-3).

Образы же «подручных», «пособников» и «защитников Сталина» также имеют аналоги в Священном писании, восходя к евангельскому прототипу иерусалимской толпы, требующей распять Христа: «Это те, кто кричали: «Варраву! / Отпусти нам для праздника...», те, / Что велели Сократу отраву / Пить в тюремной глухой тесноте. / Им бы этот же вылить напиток / В их невинно клеветущий рот, / Этим милым любителям пыток, / Знатокам в производстве сирот» [Ахматова, 1999, 248].

Использование библейского подтекста, элементов басенного иносказания, отсутствие конкретной номинации объекта обличения подтверждает следование автора коммуникативной стратегии «шифровального письма» при создании подцензурных стихов [Круглова, 2013].

«Защитники Сталина» становятся объектами обличения перед некими судьями-читателями (которые и являются истинными адресатами), именно перед ними раскрываются низкие стороны этих «любителей пыток».

Потребность подобного прямого инвективного обращения вызвана необходимостью оценки некой ситуации в аксиологическом ракурсе.

Заключение

Проведенный анализ инвективных текстов А. Ахматовой показал, что выбор обличительной стратегии напрямую зависит от образа адресата, характера злодеяний. В ряде случаев, поэт избегает эксплицитной номинации объекта, сосредотачивая свое внимание исключительно на обличении «преступника» и выводе о грядущем наказании за содеянное.

С целью развенчания образа оппонента автор использует элементы языковой игры, прямые разоблачающие характеристики, проводит параллели с текстами Священного писания, древними литературными традициями и др., что позволяет устанавливать преемственные связи «между различными литературными эпохами <...> для выражения проблем и интенций современности». Тем самым актуализируются «архетипические представления о призвании поэта, о его назначении, о совести как неотступном собеседнике, о памяти как силе, противостоящей смерти и забвению» [Темненко, 2014, 35].

Важно отметить, что А. Ахматова не претендует на роль судьи, во всех стихотворениях обнаруживается апелляция к высшему, Божественному суду, от которого не скроется ни один грешник.

Библиография

1. Ахматова А. Сочинения: В 2 т. М.: Цитадель, 1999. / Сост. и примеч. М.М. Кралина. Т. 1. 448 с.
2. Бралина Г.М. Особенности композиции жанра русской инвективы середины XIX века // Вестник ОГУ. 2007. №11. С. 44-48.
3. Демидов О.В. Инвектива как современная коммуникативная тенденция публичного дискурса // Вестник ЧелГУ. 2013. №1 (292). С. 39-41.
4. Елисеев И.А., Полякова Л.Г. Словарь литературоведческих терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 320 с.
5. Золотаренко Т.А. Уровни инвективной сущности // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2013. №1. С. 142-145.
6. Кихней Л.Г., Круглова Т.С. К проблеме диалога в лирике Анны Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 7. Симферополь: Крымский архив, 2009. С. 113-133.
7. Краковяк А. С. Литературный жанр с точки зрения целевой установки (на примере лирического жанра инвективы) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 44. С. 140-144.
8. Круглова Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: поэтологический аспект: автореферат дис. ... докт. филол. наук. М., 2013. 38 с.
9. Матяш С. А. Жанр инвективы в поэзии Ф. И. Тютчева // Вестник ОГУ. 2007. №11. С. 36-37.
10. Плотникова А.М. Языковая игра как средство инвективы // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2015. №1. С. 127-133.
11. Темненко Г.М. Поэзия Анны Ахматовой как литературно-художественная система: автореферат дис. ... докт. филол. наук. Симферополь, 2014. 43 с.

Realization of invective attitudes in Anna Akhmatova's verses

Natal'ya V. Chaunina

PhD in Philology, Associate professor of the department of philology,
Neryungri technical institute (branch) of the North-Eastern Federal University,
678960, 16 Kravchenko st., Neryungri, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation;
e-mail: chaunin@mail.ru

Abstract

The article is aimed at revealing and analyzing the most representative representations of invective attitudes in the lyrics of Anna Akhmatova. The methodological basis are the works in the field of the invective literary genre by S.A. Matyazh, A.S. Kravkovyakh, G.M. Bralina. The author describes the features of the plot and compositions of Anna Akhmatova's invective, key motive and image complexes, the basic communicative strategies of the invective discourse, shows the character-opponents and means of their creation in accordance with the target setting for discrediting the person. The author's choice of this or that invective strategy is determined by the type of "criminal", the nature of his atrocities. Hence the accusatory pathos is intensifying: from the condemnation of the secret addressee in the early love lyrics, through the exposure of the opponent-traitor in the verses of the 1910s-1920s, to the angrily-pejorative debunking of the accomplices of the totalitarian regime in mature and late lyrics. In all the poems, the voice of the author revealing the highest just punishment to the criminals is revealed. Debunking the opponent's image, the author uses elements of the language game, direct exposing characteristics, draws parallels with the texts of the Holy Scripture, ancient literary traditions, etc. Using the biblical subtext, elements of a falsified allegory, the absence of a specific denomination object, confirms the author's adherence to the "cryptographic" writing when creating censored poetry. It is important to note that Akhmatova does not pretend to be a judge, all the poems reveal an appeal to the supreme, divine court from which no sinner can hide.

For citation

Chaunina N.V. (2017) K voprosu o realizatsii invektivnykh ustanovok v lirike A. Akhmatovoi [Realization of invective attitudes in Anna Akhmatova's verses]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (2A), pp. 188-195.

Keywords

Dialogism, invective, Akhmatova, lyrics, opponent, addressee, conviction.

References

1. Akhmatova A. (1999) *Sochineniya* [Works], vol. 1. Moscow: Tsitadel' Publ.
2. Bralina G.M. (2007) Osobennosti kompozitsii zhanra russkoi invektivy serediny XIX veka [Features of the composition of the genre of Russian invective mid-XIX century]. *Vestnik OGU* [Bulletin of the Orenburg State University], 11, pp. 44-48.
3. Demidov O.V. (2013) Invektiva kak sovremennaya kommunikativnaya tendentsiya publichnogo diskursa [Invective as a modern communicative tendency of public discourse]. *Vestnik ChelGU* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 1 (292), pp. 39-41.
4. Eliseev I.A., Polyakova L.G. (2002) *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of literary terms]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.
5. Kikhnei L.G., Kruglova T.S. (2009) K probleme dialoga v lirike Anny Akhmatovoi [To the problem of dialogue in the lyrics of Anna Akhmatova]. *Anna Akhmatova: epokha, sud'ba, tvorchestvo. Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik* [Anna Akhmatova: era, destiny, creativity. Crimean Akhmatovsky collection], vol. 7. Simferopol': Krymskii arkhiv Publ., pp. 113-133.
6. Krakovyak A.S. (2007) Literaturnyi zhanr s tochki zreniya tselevoi ustanovki (na primere liricheskogo zhanra invektivy) [Literary genre from the point of view of the target setting (on the example of the lyrical genre of the invective)]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 44, pp. 140-144.
7. Kruglova T.S. (2013) *Adresovannaya lirika russkogo modernizma: poetologicheskii aspekt. Doct. Diss. Thesis* [Addressed lyrics of Russian modernism: the poetological aspect. Doct. Diss. Thesis]. Moscow.
8. Matyash S.A. (2007) Zhanr invektivy v poezii F.I. Tyutcheva [The genre of the invective in F.I. Tyutchev's poetry]. *Vestnik OGU* [Bulletin of the Orenburg State University], 11, pp. 36-37.
9. Plotnikova A.M. (2015) Yazykovaya igra kak sredstvo invektivy [Language game as a means of invective]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa* [Urals philological bulletin. Series: Language. System. Personality: the linguistics of the creative work], 1, pp. 127-133.
10. Temnenko G.M. (2014) *Poeziya Anny Akhmatovoi kak literaturno-khudozhestvennaya sistema. Doct. Diss. Thesis* [Poetry of Anna Akhmatova as a literary and artistic system. Doct. Diss. Thesis]. Simferopol'.
11. Zolotarenko T.A. (2013) Urovni invektivnoi sushchnosti [Levels of the invective essence]. *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 1, pp. 142-145.